

И.С. КАДОЧНИКОВА

(Гуманитарный лицей

г. Ижевск, Россия)

УДК 82-14

ББК 4426.83.9(=411.2)

ПРОБЛЕМА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЛИРИКЕ М. ЗИМИНОЙ

Аннотация. В данной статье выделяются два компонента территориальной идентичности в лирике М. Зиминой – провинциальный и советский, и прослеживается их изменение на разных этапах творческого пути в зависимости от историко-культурного контекста.

Ключевые слова: региональная литература, территориальная и национальная идентичность, ментальность.

В современной региональной литературе проблема идентичности – одна из магистральных, что связано со стремлением поэтического сознания самоопределиться и утвердиться не только в контексте региональных, но и общероссийских социокультурных процессов. Так, региональная литература, существуя одновременно в двух локусах – региона и страны, – по определению не может не проблематизировать свой онтологический статус. В настоящее время эта потребность в поиске идентичности, обусловленная внутренними факторами, усиливается и внешними обстоятельствами: «процесс регионализации России, интенсифицировавшийся в 1990-е годы, вызвал относительно новое явление в социокультурной и политической жизни российского общества – региональную идентичность, то есть наличие в массовом сознании компонента соотношенности своего места в территориально-политическом пространстве преимущественно с региональным локусом»¹. Не случайно в этой связи столь пристальное внимание современного литературоведения к проблемам региональной литературы, которая весьма показательно отражает эту социально-политическую тенденцию, связанную с кризисом национальной идентичности.

Таким образом, сама проблема идентичности применительно к региональной литературе задает определенную логику научного поиска. Идентичность – понятие весьма широкое, включающее в себя различные компоненты: национально-цивилизационный, государствен-

¹ *Реутов Е.В.* Фактор региональной идентичности и легитимация региональных элит // Вестник Тамбовского университета. – Серия «Гуманитарные науки». – 2007. – № 6. – С. 180.

ный и гражданский, локальный, социальный, профессиональный, этнический, конфессиональный, культурный и т.д.². Но относительно региональной литературы особое значение приобретает вопрос о собственно территориальном аспекте идентичности, который включает два компонента – этническую (или региональную) идентичность и национальную (или государственную).

В лирике М. Зиминой – ключевой фигуры современной женской поэзии Удмуртии, автора четырех поэтических книг, – поиск территориальной идентичности составляет целый психологический сюжет, понимание которого позволит сделать вывод о собственно личностном самоопределении автора, его ценностных установках и мировоззренческих ориентирах.

Вопрос о территориальной идентичности был поставлен Зиминой еще в ранней лирике и решен в пользу провинции как счастливой данности, определившей ментальный диапазон личности лирической героини³. При этом Зиминая актуализирует «один из самых устойчивых мифов русской культуры ... миф о русской провинции, предполагающий пренебрежительное отношение к анахронизму и затхлости ее общественной жизни и любование идиллической красотой неповторимой русской природы»⁴. Так, очевидно «неприветливые» картины «деревенского быта», где «сплетня чудеса творит» и «верят слухам, а не справкам»⁵, где «Как на работу, на перрон / Выходят частные торговки» (II, с. 19), соседствуют в лирике Зиминой с картинами природного пространства, которое оценивается как локус абсолютной гармонии, тепла и нравственной чистоты:

За полем – дали светлые,
Как детская мечта...
Такая неприметная,
А все же – красота <...>

² *Пантин В.И., Семенов И.С.* Проблемы идентичности и российская модернизация // Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации. – М.: ИМЭМО РАН, 2004. – С. 10.

³ Ср. также с показательным названием сборника стихов граховских поэтов, составленным М. Зиминой («Любовь моя, провинция...»: стихи: авт. сб. рождением, судьбой, творчеством связаны с Граховским районом Удмурт. Респ. – Ижевск: КнигоГрад, 2011. – 104 с.).

⁴ *Власова Е.Г.* «Я родился в жалком городишке...»: М. Осоргин и провинциальный миф русской литературы II-ой половины XIX – нач. XX в. // Литература Урала. – 2006. – С. 44.

⁵ *Зиминая М.Г.* Эти вечные темы...: Стихи. – Ижевск: Удмуртия, 2005. С. 21. Далее ссылки на это издание даются в скобках со значком II и указанием страницы.

И я с былой беспечностью
Бегу в ее луга –
И мостиком над вечностью
Там радуга-дуга... (II, с. 26)

Однако следует отметить, что, концептуализируя пейзаж, Зимина тем не менее изображает его не столько идиллически (если следовать логике мифа), сколько реалистично, и понимание провинциальной природы как красоты в свою очередь обеспечивается по-настоящему личностным чувством родины, предполагающим ее полное принятие: «Кусочек земли, / где не строят музеев, / Где всей-то красы, / что десяток берез» (II, с.24). В этой логике эстетизируется не только природное пространство, но и провинциальный быт:

И от наличников кустарных
Мне снова глаз не оторвать (II, с. 19).

«Детсад», «Раймаг», «Милиция»,
Щелястый палисад –
Любовь моя, провинция, –
Райцентровский стандарт! (II, с. 25)

Приведенные контексты являются весьма узнаваемыми и продолжают традицию поэтического изображения русской провинции в отечественной литературе. Однако в логике заявленной проблемы эти контексты приобретают существенную значимость и задают важный смысловой разворот, связанный с ментальным самоопределением автора.

Так, собственно этническая культура оказывается чуждой лирической героине. Показательным в этой связи является автобиографическое стихотворение «Я родилась в нерусской России...» (2000), где, отражая детское восторженное мировосприятие, автор, тем не менее, имплицитно идею этнического как «другого», не тождественного «я», отсюда – взгляд со стороны. Не случайно отсутствие характерных грамматических маркеров – местоимений «мы», «наш», глаголов в форме 1 лица мн. числа. Этнический локус изображается объектно:

Я родилась в нерусской России,
Где купавку зовут «италмас»,
Где удмуртские песни грустили
Над моей колыбелью не раз.

Многолюдные помню базары...
Воскресение. Солнечный день.

Как на праздник, мариЙцы, татары
Из окрестных идут деревень.

Вавилонское столпотворенье –
Всех наречий и говоров пир! (II, с. 18)

Ключевой этнический компонент, который переживается героиней как «иной», – это язык (ср. лексемы: «зовут “италмас”», «песни», «наречия и говоры»). «В научной литературе при определении этнических признаков общностей языку уделяется основное место. Язык представляет собой один из объективных факторов образования этноса»⁶. Соответственно, воспринимая язык как чуждый и непонятный (характерно обращение к мифу о вавилонском столпотворении), лирическая героиня определяет собственную идентичность как русскую. Кроме того, отмечая свою генетическую связь с удмуртским языком («Я родилась в нерусской России», «Где удмуртские песни грустили / Над моей колыбелью не раз»), биографический автор на уровне слова утверждает себя как русскоязычного поэта. В контексте сказанного отнюдь не случайно, что удмуртские женщины связываются для героини не просто с чужой языковой реальностью, но и с чужим временем, оцениваются как анахронизм, который поэтизируется в силу его уникальности:

И смотрела я женщинам вслед,
На которых звенели мониста
Из серебряных царских монет (II, с. 18).

Таким образом, лирическая героиня определяет себя как носителя русской картины мира, и даже учитывая те удмуртские топонимы, которые в лирике Зиминой пусть редко, но встречаются, становится очевидным, что их особый ландшафт связывается для героини с представлением о традиционно русском провинциальном пейзаже:

Ну что же, автобус, – давай проезжай
Мимо деревни Мари-Возжай,
Мимо забытого Богом села,
Где я молодой и счастливой была,
Мимо лесов,
Мимо полей... (II, с. 134-135).

⁶ Вельм И.М. Этнический менталитет как феномен культуры (на примере удмуртского этноса). – Ижевск: Удмуртский университет, 2002. С. 111.

Провинциальный ландшафт складывается в лирике Зиминой из ряда узнаваемых деталей – луга, поля, леса, речка, «снежное пространство». Особую смысловую нагрузку получает образ березы, традиционно русского дерева, символизирующего провинцию: «На этой почве глинистой / Неплохо мы росли / У двух берез развилистых / Судьбы свою нашли» (II, с. 25), «Кусочек земли, / где не строят музеев, / Где всей-то красы, / что десяток берез» (II, с.24), «Подросли и березки, и ели» (II, с. 27), «Все те же белые березки... / Но этот вид – он мне родной» (II, с. 33).

Безусловно, на характер художественного пространства «малой родины» в лирике Зиминой в первую очередь оказал влияние реальный географический контекст – в частности, природная среда Удмуртии как лесного края⁷. Однако лесное пространство Удмуртии осмысливается Зиминой сквозь призму исключительно внеэтнического и внерегионального представления о «лесной и луговой» России.

Как отмечает Н.С. Морозова в статье «Особенности эстетического освоения Северного края», «в региональной картине мира можно выделить различные компоненты. Прежде всего, противопоставляются элементы, имеющие ярко выраженную региональную специфику, те есть фиксирующие информацию, уникальную для того или иного региона, и компоненты, которые представляют собой элементы “провинциального” мировосприятия и не являются специфичными для отдельно взятого региона»⁸. В лирике М. Зиминой преобладают преимущественно последние компоненты: провинция для автора – синоним России, исторически провинциальной страны: «Ты для меня всегда, Россия, / Из деревенок состоишь» (II, с. 20). Не случайно, что и сам «простенький вид» малой родины, хотя и является для героини избранным, но в то же время осознается как *типичный*, узнаваемый: «Таким уголками на земле – нет числа» (II, с. 24).

«Малая родина», являясь прообразом отечества, определяет основные критерии взаимоотношений личности и “большой родины”, – отмечает исследователь социокультурного портрета российского провинции Серебряного века Е.А. Сайко и ссылается на мысли Г. Федотова, высказанные в работе «Лицо России»: «Что ощущалось всего сильнее в образе родины? Ее природное земное бытие: линии ландшафта и

⁷ Об Удмуртии как лесном крае см.: *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск: Удмуртия, 1994. С. 35–37.

⁸ *Морозова Н.С.* Архангельский Север в зеркале языка: региональный аспект языковой картины мира: монография [Т.В. Симашко, Н.В. Осколкова, Н.В. Хохлова и др.]. – Архангельск, 2010. С. 69.

воздух родных полей и лесов. И мы томились – кто по берегам и соннам северных сторон, кто по суровым просторам степей, по безбрежной Волге и дыханию восточных песков... В родине впервые приоткрывается лицо России»⁹. Так определяется территориальная идентичность Зиминой: выбор в пользу провинции раскрывает характерное для героини и автора глубокое понимание сути России – страны природной, красота которой – необработанная. Леса, поля, светлые дали, луговые цветы создают в единстве образ живого, естественного пространства. Весьма существенной в этой связи становится метафора простора:

Где по утрам я вижу из окна –
До горизонта – снежное пространство,
Где я опять пожизненно больна
Опасною болезнью – постоянством (II, с. 27).

Где ветер листвою
Весенней играет,
Поскольку никто из нас
Не умирает,
И утром ты с отчего видишь крыльца
Зеленый простор –
Без конца,
без конца... (II, с. 32).

Как отмечает Е.А. Сайко, «семантически малая родина в образах “даль” или “простор” приближается к философическому толкованию М. Хайдеггером пространства как “высвобождению мест, где судьбы поселяющегося тут человека повертываются или к целительности родины, или к губительной безродности, или же к равнодушию перед лицами обеих”»¹⁰. Для Зиминой семантика «простора» сопряжена как раз с представлением о «целительности родины». Так болезнь под название «постоянство» оказывается спасительной в духовном смысле, поскольку свидетельствует о подлинной любви к родному месту. С образом «зеленого простора» вообще связывается представление о вечности жизни и ее непреложном торжестве над смертью.

⁹ Федотов Г.П. Лицо России // Судьба и грехи России. – М., 1994. С. 27. Цит. по: Сайко Е.А. Социокультурный портрет российской провинции Серебряного века // Сайко Е.А. Культур-диалог философии и искусства в эпоху Серебряного века. – М.: Изд-во РАГС, 2004. С. 39.

¹⁰ Сайко Е.А. Социокультурный портрет российской провинции Серебряного века. С. 39.

Наконец, выбор в пользу провинции стал нравственным императивом лирической героини, определившим ее ментальность. Особенно показательно это оформилось в ранней лирике.

Во-первых, оппозиция «столица – провинция» в лирике Зиминой отражена весьма четко. При этом понятие столицы оказывается расширенным. Так, с одной стороны, речь идет об обобщенном образе (стихотворение «“Детсад”, “Раймаг”, “Милиция”...»), а с другой стороны – о конкретных «центральных» городах – Ижевске («Этот город чужой по-февральски уныл и заснежен...»), Риге («Сурово нахмурилась древняя готика...»), даже южных городах, которые оцениваются героиней с позиции провинциального менталитета (стихотворение «Ах, южные цветные города...»).

Столица – в логике универсальных представлений – ассоциируется с ускоренным ритмом жизни, полным бессмысленной суеты («людской ошалелый поток», «крикливые вокзалы» (II, с.24)), стремлением следовать моде – в том числе и на западные образцы, что вообще свидетельствует об отказе русской столицы от собственной «русскости» («И в рекламе прочту: этот город теперь иностранец. / «Аксион», «Трансинвест»... – возвещают знакомые зданья» (II, 30)), презрительным, высокомерным отношением к провинции и ее жизненному укладу («...Столичные амбиции, / Высокомерный взгляд...»). Но самым неприемлемым для Зиминой оказывается эфемерность столичного существования, в котором так мало (или вообще нет) подлинного бытия и подлинных ценностей. Прежде всего, это ценность природы, которая открывает человеку понимание красоты и утверждает в нем духовное начало:

Вечны неба июльского краски,
Так же пахнет клубникой над логом,
И растут, как и прежде, ромашки
У опушки на склоне пологом.

Вечны запахи хлеба ржаного...
Эти истины поздно приходят.
Люди ищут чего-то иного,
Но все то же, все то же находят... (II, с. 27).

В стихотворении «И сколько лет, и сколько зим...» (1971) лирическая героиня, для которой выбор в пользу провинции становится личной позицией, противопоставляется герою, духовно возвышаясь над ним:

Меня ты грустно рассмешишь,
Напомнив вновь, что я
Похороню себя в глуши...
Какой ты мне судья?
Июльский полдень.
Сушь и жар.
Все в розовом дыму.
И так мне жаль тебя, так жаль –
Не знаю почему... (II, с. 22)

Ментальность лирической героини ранней лирики Зиминой сформирована провинциальным локусом, предопределившим в ней такие черты характера, как скромность и даже робость («Незнакомку ты приметил, / Что в тени всегда держалась: / В уютном мире этом / Я людей живых боялась!» (II, с. 5)), покорность и смирение с судьбой («И наконец, воображение / Слегка смиряется, остыв: / Мои дороги – продолжение / Твоих булыжных мостовых» (II, с. 19)), постоянство выбора и отсюда – гармоничность мироотношения («Где я опять пожизненно больна / Опасною болезнью – постоянством» (II, 27), «Простите, березы, / Отлучки мои!»). Лирическую героиню отличает предельная искренность, сердечная простота и даже некоторая наивность, которые свидетельствуют о подлинности чувств героини, о ее честности перед собой и другими:

Прости мне дерзкие мечты,
Мои нелепые желанья,
Несовременность простоты,
Несвоевременность признанья,
Немодность тоненькой косы
И веру в сказку с парусами...
Прости, что мне приснился сын
С твоими синими глазами,
Что все равно тебя люблю –
Прости нечаянную смелость!
Мне снисходительность твою
Так за любовь принять хотелось! (II, с. 9)

Чистота, гармоничность, духовность, подвижничество, открытость, бескорыстие – вот те психологические черты, которые определяют характер провинциальной ментальности¹¹. Все они, по сути, свойственны

¹¹ Манахова И.А. Некоторые особенности провинциальной ментальности // Духовная жизнь провинции. – Ульяновск, 2005 // Электронный ресурс: http://sc-comm.ru/conf_fil.php?id=3.

психотипу героини Зиминой, подчеркивая ее территориальную идентичность. При этом провинциальная идентичность в данном случае оказывается полностью тождественной национальной идентичности.

Н.А. Моисеева в статье «Феномен провинциальной ментальности: национальный русский характер», анализируя философские искания Чаадаева, Лосского, Бердяева в области русской ментальности, отмечает: «В провинциальной ментальности можно обнаружить явления недостаточности, чистоту архетипов, возвышенную духовность и архаичность мышления. Вследствие этого можно характеризовать национальный русский характер как феномен провинциальной ментальности»¹². В этой логике неслучайно, что у Зиминой понятия России и провинции идентичны в пределах одного контекста, а принадлежность деревенскому локусу воспринимается с известной долей гордости: «Себя считаю деревенской / Любым насмешкам вопреки» (II, с. 20).

Так вопрос о малой родине разрешается в пользу национальной идентичности, сопряженной с представлением об исконно русской ментальности, для которой характерны глубокое чувство природы, искренность, духовность, поиск добра. Собственно, эти ментальные черты русского человека являются архетипическими и не обусловленными обстоятельствами конкретной эпохи. Показательно, что в ранней лирике Зиминой, пришедшейся на 1960-70-е гг., исторический контекст практически не получил отражения, как, собственно, и не был поставлен вопрос о советской ментальности.

Однако в поздней лирике автора, начиная с конца 1980-х годов, «формула родины» (выражение Зиминой) меняется и, соответственно, вновь поднимается вопрос о территориальной идентичности. Этот новый разворот оформился в целостную концепцию в последней на настоящий момент книге поэта «...а музыка осталась» (2012).

Кризис и распад советского государства, со временем расцвета которого совпала молодость биографического автора, отозвался в лирике Зиминой 1990-х гг. глубоким и трагичным переживанием, наполненным эмоциями разочарования и отчаяния. В стихотворении «Девяностые» развенчание мифа о «советском рае» оценивается как начало Апокалипсиса:

Сколько нам выдали розовой краски!
Нечто маняще мерцало вдали...
Как мы летели – без всякой опаски,

¹² Моисеева Н.А. Феномен провинциальной ментальности: национальный русский характер // Электронный ресурс: <http://ms-solutions.ru>.

Дальше, и выше –
и прочь от земли! <...>

Где мы? – У бездны на самом краю.
Что это? – Время, пространство, судьбина.
Вот она, подлинной жизни картина...
Мы-то считали, что жили в раю.

Боже, какое сегодня число?!
Там, наверху, перепутали даты?
...Вот и пришло оно, время расплаты.
Вот и пришло оно...
Вот и пришло¹³.

В стихотворениях 1990-х гг. Зими́на дает исключительно отрицательную оценку приметам советского времени: «Очередь кричит и хочет мыла» (II, с. 62), «Всевышний не в чести, / Храм велено снести» (II, с. 62), «Мы простояли жизнь в очередях, / Мусолили заветные талоны» (I, 31), «Низкий поклон нашей строгой эпохе, / Что отпускала какие-то крохи – / Тем драгоценней – любви и добра» (II, с. 126), «Нам просто так ничего не давалось: / Распределяли – и мне доставалось» (II, с. 126).

Однако парадоксальным оказывается то, что страшный опыт 90-х переживается автором намного болезненнее, чем опыт советского времени. Причем катастрофичность эпохи автор видит не только в объективной жестокости исторического процесса («В крови / Всех календарей его (времени) страницы» (I, 25), «Армения в крови, / И в злобе Сумгаит» (II, 57)), но – что наиболее существенно – в обесценивании прежде незыблемых, гуманистических ценностей. В логике концепции Зиминой «лихие» 90-е годы – время, отмеченное «убыванием души» (II, 53) и – как следствие – упразднением таких ценностей, как совесть, честь, благородство – ключевых идеалов советской эпохи. Бездуховность нового века, пропагандирующего потребительское отношение к жизни, рыночную экономику во всем, – это и есть, по Зиминой, подлинная трагедия:

Век золотому молится тельцу <...>
Век заголился: мода на интим.
Телесный иль словесный – как угодно <...> (II, с. 54).

¹³ Зими́на М.Г. «...а музыка осталась...»: стихи. – Ижевск: КнигоГрад, 2012. С. 29. Далее ссылки на это издание даются в скобках со значком I и указанием страницы.

Ах, рынок нахальный торгует любовью...
Спеши, покупатель, бери на здоровье
Вот эту брошюрку по технике секса,
Вот этих «Любовников Екатерины»!
А что за журналы! Какие картины
На каждой странице печатного текста! (I, с. 32)

На фоне тотального обесценивания прежде несомненно дорогого и вечного советская эпоха с ее очередями и талонами начинает восприниматься если не как своего рода «потерянный рай», то однозначно как время с каким-никаким, а человеческим лицом. «Совесь, благородство и достоинство», воспетые Окуджавой, осмысляются Зиминой как антитеза безнравственности, мелочности нового времени:

Но пел нам о совести грустный Булат,
А мы, как могли, подпевали.

Мерцал огонек в непроглядной ночи,
И звал, и манил нас куда-то...(I, с. 30).

Соответственно, в условиях «кровавых новостей века» (I, с. 30) советская «сладкозвучная» идея дружбы народов приобретает ностальгическое звучание, поскольку за ней стоит представление о единстве нации, о братском отношении к другому человеку:

Какое веселое солнце над нами ликует!
Страна «ССР», как ни странно, еще существует.
И горная речка по камушкам резво журчит...
И «дружба народов» на полном серьезе звучит (I, с. 26).

Так в лирике Зиминой начала 2000-х годов оформляется концепция счастливой советской эпохи, воспоминание о которой позволяет автору найти в собственном жизненном опыте спасительное противопоставление историческому контексту рубежа XX и XXI веков, отмеченному разрушительным началом. Песни Окуджавы, Великановой, Кристалинской, запечатлев в себе время, возвращают автору память о счастливой молодости, в которой было место идеалу и смыслу:

Поет Гелена Великанова,
И Кристалинская поет –
Шестидесятые... И заново
Пред нами молодость встает.

Какие песенки наивные,
И вроде слабый голосок –
А совершают диво дивное:
Дают вернуться на часок
В те дни, черемухой пропахшие,
Надеждой смутною полны, –
В те годы, счастливо совпавшие
С весной воспрянувшей страны (с. 27).

В лирике 2000-х гг. отчетливо проявлена советская идентичность лирической героини и автора, причем ключевые черты советского менталитета, актуальные для Зиминой, оказываются тождественными общечеловеческому представлению о нравственности, – совесть, милосердие. Соответственно, вопрос о территориальной идентичности теперь решается Зиминой по-новому: локус малой родины оценивается как трагическая альтернатива советской стране, тоска по которой усиливается тем более, чем больше времени проходит с момента ее распада:

Здесь прошлое опять разворочу я –
Исчезла с карты целая страна...
У нас отняли Родину большую –
Осталась только малая одна (с. 38)¹⁴.

Место, связанное с детством и юностью, теперь воспринимается героиней сквозь призму прошедшего и понимается как часть той страны, в контексте которой само понятие малой родины, являясь, безусловно, ценностным, не было альтернативным «большой» родине, что обеспечивалось представлением о территориальной и идеологической целостности советского государства (ср. в стихотворении М. Зиминой «Елабуга» 1969-го года: «За прописную букву в слове “Родина” / И с нас однажды спросится сполна» (II, с.94)). Показательно, что история страны проецируется на историю малой родины, отождествляясь с ней. Эта мысль прозрачно звучит в одном из самых сильных стихотворений Зиминой «...Сначала на погост: причина веская...» (2012), где понятие «улица Советская» оказывается шире своего прямого смысла, выступает в качестве обобщающего образа. Так, не случайно, что воспоминание о жителях Советской улицы, чьи судьбы связались с судьбой героини и – соответственно – биографического автора («Мои друзья,

¹⁴ Интересной оказывается цитатная переключка с Цветаевским стихотворением «Страна»: в то время как героиня Цветаевой оплакивает царскую Россию, лирическая героиня Зиминой тоскует по Советскому Союзу, утвердившему себя через гибель Российской Империи.

мои ученики»), включает в себя память об исторических (как правило, трагических) обстоятельствах: «Партийные лежат и беспартийные», «Кто войнами добит, кто перестройками» (I, с. 47). При этом понятие «улицы Советской» постепенно (от первой строфы к заключительной) меняет объем смыслового наполнения. Так, в первой строфе, казалось бы, актуализируется буквальный смысл:

Уже давно на кладбище родном
Лежит рядком вся улица Советская –
Мой некогда гостеприимный Дом (I, с. 47).

В финальной же строфе обнаруживается символическое звучание образа:

Здесь все мои мечты разбились детские...
Стою, недоумения полна,
И плачу по тебе, моя советская,
Родная, бестолковая страна! (I, с. 47)

Финал задает началу стихотворения новый, небуквальный, смысл. Обобщенный образ «улицы Советской» отражает характерное для человека эпохи СССР понимание страны как единого общего Дома (ср. со словами известной песни: «Мой адрес не дом и не улица, / Мой адрес – Советский Союз»). Понимание страны как Дома свидетельствует о сердечном отношении героини и автора к советскому государству, в котором прошли лучшие годы жизни и с которым связалась наивная вера в идеал (ср.: «мечты разбились детские»). Осознавая всю абсурдность, нелепость советской эпохи, лирическая героиня драматично переживает ее конец (ср. с метафорой кладбища – ключевой для понимания смысла стихотворения), поскольку «советская страна» с ее трагическим историческим опытом навсегда остается для героини единственной Родиной, «бестолковой» и потому многострадальной.

Так в лирике М. Зиминой образ малой родины связывается не только с провинциальной (ср. также поздние стихотворения «Безотрадные картины...», «Грачи прилетели»), но и с советской идентичностью. При этом одно не противоречит другому, поскольку речь идет о национальной идентичности, которая в первом случае обеспечивается универсальным представлением о России как провинциальной стране, а во втором – задается историческими обстоятельствами, непременно накладывающими отпечаток на ментальный склад отдельного человека. Закономерно, что ранняя лирика отражает исключительно провинциальную идентичность, а поздняя – не только провинциальную, но и

советскую: драматично переживаемые распад СССР и становление «эпохи потребления» поставили перед автором вопрос о ценностях. При этом ценностная значимость советского государства связалась с идеей нравственности, а провинции – с идеей духовности, что в единстве оформилось в гармоничную концепцию, отражающую внутреннюю цельность лирической героини М. Зиминой, ключевыми ментальными чертами которой стали искренность, честность, сердечная простота, постоянство выбора, совесть, милосердие, подлинность чувств – лучшие черты русского национального характера, которые в условиях современности если и актуальны где-то, то только в пространстве «уходящей» провинции:

Вот эта уходящая натура,
Перед которой вечно мы в долгу,
Вот эта черно-белая гравюра –
Деревья, утонувшие в снегу (I, с. 38).